

Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии:
по материалам международной конференции «Диалог 2018»

Москва, 30 мая — 2 июня 2018 г.

СНЯТАЯ УТВЕРДИТЕЛЬНОСТЬ И НЕВЕРИДИКАТИВНОСТЬ¹

Падучева Е. В. (elena.paducheva@yandex.ru)

ФИЦ ИУ РАН Москва, Россия

В докладе речь идет о снятой утвердительности (suspended assertion). Показано, что термин снятая утвердительность, который был введен в 1963 году У. Вейнрейхом, охватывает тот же круг явлений, что термин nonveridicality (предлагаемый перевод на русский язык — неверидикативность), который получил широкое распространение в литературе по формальной семантике благодаря работам А. Джаннакиду, Ф. Зварца и др.. Рассматриваются факты русского языка, требующие обращения к понятию снятая утвердительность: местоимения типа *какой-нибудь*, местоимения отрицательной поляризации, исчезновение семантического актанта у глаголов в прямой (не параметрической) диатезе, зеркальная симметрия прошедшего и будущего, отрицание с расширенной сферой действия, местоимения на *-нибудь* в сфере действия отрицания, взаимозаменяемость *еще* и *уже*. Высказывается убеждение, что понятие снятой утвердительности будет применяться и в других контекстах.

Ключевые слова: снятая утвердительность, неверидикативность, пропозиция, местоимение

SUSPENDED ASSERTION AND NONVERIDICALITY

Paducheva E. V. (elena.paducheva@yandex.ru)

Informatics and Control Federal Research Centre RAN,
Moscow, Russia

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 17-04-00554.

The paper addresses the notion of “snyataya utverditel'nost'” (suspended assertion). The author argues that the term “suspended assertion”, introduced by U. Weinreich in 1963, covers the same range of phenomena as the term *nonveridicality* (its suggested Russian equivalent is *neveridicativnost'*), which has become widespread due to the works by F. Zwarg, A. Giannakidou and many others. It is demonstrated that the notion of suspended assertion can be applied to interpret a number of facts of the Russian language, such as *nibud'*-pronouns, pronouns of negative polarity, the disappearance of a semantic argument of verbs with the direct (non-parametrical) diathesis, the mirror symmetry of past and future, the negation with an extended scope, *nibud'*-pronouns in the scope of negation, the interchangeability of *eshche* ‘yet’ and *uzhe* ‘already’. It's the author's conviction that the notion of suspended assertion will be applicable in many other contexts.

Key words: suspended assertion, nonveridicality, proposition, pronoun

1. Введение

Термин **снятая утвердительность** (suspended assertion) принадлежит У. Вейнрейху (см. [Weinreich 1963], [Veinreikh 1970: 173]). Вейнрейх называет индикатив ‘утвердительным наклонением’ — в самом деле, индикатив выражает утвердительную, т.е. ассертивную, иллюкутивную модальность. Вейнрейх перечисляет средства, которые используются в разных языках для того, чтобы снять утвердительность, изначально присущую индикативу. Это показатели снятой утвердительности (assertion suspending devices), т.е. языковые средства нейтрализации утвердительности (neutralization of assertiveness, или suspension of assertion). К ним принадлежат: конъюнктив, т.е. сослагательное наклонение; императив и вопросительность; отчасти косвенная эвиденциальность и будущее время. Ту же роль выполняют номинализованные и инфинитивные конструкции.

Эти показатели создают для пропозиции **контекст снятой утвердительности**. Такой же контекст создают модальные слова (типа *может, хочет, должен, необходимо*), отрицание, дизъюнкция, целевые и условные союзы; предикаты пропозициональной установки, выражающие неуверенность, предположительность, нереальность.

По [Veinreikh 1970], утвердительная иллюкутивная модальность — необходимое условие для того, чтобы пропозиция была соотнесена с реальностью: пропозиция в контексте снятой утвердительности не имеет ни реальной, ни ирреальной объективной модальности, т.е. употребляется **безотносительно к истине**. На самом деле, тут нужна поправка: в контексте фактивного или имплицативного глагола / предикатива, когда пропозиция оказывается пресуппозицией или имплицативом, она, не имея утвердительной иллюкутивной силы, имеет, однако, истинностное значение — является истинной. Например, в контексте (1) пропозиция ‘Маша вернулась’ истинна — она лишена утвердительной иллюкутивной силы, но не истинностного значения:

(1) Я рад, что Маша вернулась.

В любом случае контекст утверждения играет важную роль. В контексте утверждения пропозиция обретает говорящего, который несет ответственность за ее истинность, иначе—берет на себя эпистемическое обязательство (ср. в этой связи парадокс Мура: фраза *Она красива, но я так не считаю* аномальна, поскольку говорящий обязан считать истинным то, что он утверждает). Ведь и фактивность предиката тоже работает только при условии, что предикат имеет утвердительное употребление. Так, в контексте (2а), где пропозиция с глаголом *уронить* утверждается, отказ представляется говорящим как имеющий место, а в (2б), где этот глагол в сослагательном наклонении и не утверждается, утрачивается и пресуппозиция отказа:

(2) а. Отказ от игры *уронил* Фишера в глазах шахматистов.

б. Отказ от игры *уронил бы* Фишера в глазах шахматистов.

Термин ‘снятая утвердительность’ получил распространение в значении ‘безотносительность к истине’. Он использовался в [Paducheva 1985, с. 94–97; 2004, с. 297–298, 328–329; 2005; 2011; 2013], в [Boguslavskiy (2001, 2008)], [Dobrovol'skiy 2011] и др. Так что за ним можно сохранить право на существование — в следующем значении: пропозиция имеет снятую утвердительность, если говорящий не несет ответственности за ее истинность, т. е. не утверждает ее, а также не предполагает в виде презумпции или следствия.

С конца 90-х годов прошлого века в англоязычной лингвистической литературе возникает термин ‘nonveridicality’ (предлагаемый перевод на русский язык — ‘неверидикативность’), см. [Zwarts 1995], [Giannakidou 1998, 1999] и мн. др. Эти работы рассматривают примерно тот круг явлений, которые охватываются термином снятая утвердительность, но в рамках другой теории — в формальной семантике.

Формальная (= теоретико-модельная) семантика сводит смысл к условиям истинности. А термин ‘снятая утвердительность’ возник в рамках семантики, которая определяет смысл с помощью ‘толкований’, т. е. экспликаций (см., например, [Apresyan 1974]; [Wierzbicka 1980]). Эту семантику можно назвать ‘экспликативной’.

Экпликативная семантика оперирует с семантическими представлениями слов и предложений — имея в виду с их помощью объяснить ограничения сочетаемости слов, граммем и конструкций; предсказать массовые сдвиги значения, т. е. регулярную многозначность; моделировать языковые способности говорящего — такие как распознавание синонимии и семантической аномалии (в частности, той, которая лежит в основе понятия пресуппозиции); способность строить высказывание, которое является отрицанием данного, и совершать многие другие операции, предполагающие обращение к смыслу, см. [Apresyan 1999].

Определение неверидикативности рассматривает контекст как пропозициональный оператор. Пропозициональный оператор (или контекст) F является для пропозиции p веридикативным, если и только если Fp имеет следствием или пресуппозицией p ; в противном случае оператор (или контекст) F является неверидикативным (см. [Zwarts 1995]; [Giannakidou 1998]).

Например, контекст *Возможно, Маша вернулась* является неверидикативным для пропозиции 'Маша вернулась'.

Согласно этому определению, неверидикативность — это то же, что снятая утвердительность. Как сказано в [Giannakidou 1999], «nonveridical contexts are undefined with respect to truth or falsity». В этих контекстах пропозиция не определена по отношению к истинности. Контекст отрицания тоже неверидикативный.

Далее я перечислю некоторые языковые сущности или явления русского языка, которые требуют обращения к понятию снятая утвердительность (и неверидикативность):

- 1) Местоимения типа *какой-нибудь*.
- 2) Местоимения отрицательной полярности (серия на *-либо* и на *бы то ни было*).
- 3) Предикаты отрицательной полярности (по [Apresyan V. 2017]): *не нахвалится, не оберешься*.
- 4) Исчезновение семантических актантов у некоторых глаголов в прямой — не параметрической — диатезе (например, глагола *выбирать*)
- 5) Зеркальная симметрия прошедшего и будущего.
- 6) Глобальное отрицание, или отрицание с широкой сферой действия.
- 7) Местоимение на *-нибудь* в сфере действия отрицания.
- 8) Взаимозаменяемость *еще* и *уже*.

2. Местоимения типа *какой-нибудь*

Вот краткий перечень контекстов, лицензирующих местоимения на *-нибудь*.

1. Отрицание — только в вышестоящей предикации и не во всякой (*Не думаю, чтобы он что-нибудь изменил*).
2. Сопредикатная ИГ с квантором общности (*Каждый что-нибудь принес*).
3. Узуальность и многократность (*Она всегда чем-нибудь недовольна*).
4. а. Условие (*не верь, если кто-нибудь скажет другое*); ограничитель в составе ИГ с универсальной квантификацией — это скрытое условие (*всякий, кто что-нибудь знает о ней, должен это сообщить*); целевой оборот (*спустилась в буфет, чтобы что-нибудь перекусить*).
- б. Обусловленность (*Если Катя дома, в холодильнике уже что-нибудь есть*).
5. Общий вопрос (*Ты ел что-нибудь? Кто-нибудь видел его сегодня?*).
6. Дизъюнкция, т.е. разделительные союзы *или* и *либо...либо* (*Коля или кто-нибудь из его друзей оставил на подоконнике часы*).
7. Модальности возможность и необходимость (*Она могла что-нибудь напутать; Надо ей чем-нибудь помочь*).
8. Грамматическое будущее время (*Мы что-нибудь придумаем*).
9. Установки, касающиеся будущего: желание, просьба (*Дай что-нибудь почитать!*), предложение, в том числе — выраженные формой императива; разрешение, согласие, уступка (*хоть*), готовность.

10. Сомнение, предположительность, нереальность и просто мнение; согласительное наклонение, которое выражает нереальность (*Сомневаясь, что он что-нибудь сделает*).
11. Сравнение (*Я знаю о вас больше, чем кто-нибудь*).

Это практически весь набор мыслимых контекстов снятой утвердительности, за двумя-тремя исключениями (отрицание, неуверенное восприятие, глаголы речи). Так что снятая утвердительность работает при описании местоимений на *-нибудь*.

3. Местоимения отрицательной полярности

Снятая утвердительность работает при описании местоимений отрицательной полярности. Местоимения отрицательной полярности — это местоименные слова и обороты, которые, не будучи сами по себе отрицательными, не могут употребляться иначе как в контексте отрицания или в других неверидикативных контекстах, в частности в контексте условия или вопроса. В русском языке отрицательную полярность (ОП) имеют местоименные серии на *-либо* (*какой-либо, что-либо* и т. д.) и на *бы то ни было* (*какой бы то ни было, что бы то ни было* и т. д.). Например, можно сказать: *На Марсе нет каких-либо (каких бы то ни было) разумных обитателей*; или спросить: *На Марсе есть какие-либо (какие бы то ни было) разумные обитатели?* Но нельзя сказать: **На Марсе есть какие-либо (какие бы то ни было) разумные обитатели*. Т.е. местоимения на *бы то ни было* и *либо* невозможны в веридикативном контексте. А возможны в отрицательном и в других неверидикативных.

Языковые единицы с отрицательной полярностью (по-английски — *negative polarity items*, сокращенно — *NPI*), не обязательно местоимения, есть в самых разных языках; ср. в английском *any, ever, yet, bother to, at all, can help (doing something)*. В русском языке, помимо указанных местоимений, отрицательную полярность имеют слова *настолько, столь, больно* в значении ‘особенно’ (как в *не больно надо*) и целый ряд идиом — например, *пальцем (не) пошевелит*; сочетаний — например, *(не) так уж (Он мне не так уж нравится / Не скажу, чтобы он мне так уж нравился / Если он тебе так уж нравится..., но *Он мне так уж нравится), такой уж: Он не такой уж ловкий, но *Он такой уж ловкий*.

Из всех контекстов, где возможны местоимения на *-нибудь*, местоимения ОП допустимы только в контексте 1 — Отрицание (в том числе — прямое и внутрисловное), 4а — Условие, 5 — Вопрос, 11 — Сравнение. Во многих контекстах, где пропозиция употребляется безотносительно к истине, т.е. неверидикативных, местоимения ОП невозможны, например, в контексте модальностей возможность и необходимость, в контексте установок, касающихся будущего (пп. 9 и 10).

3.1. Предикаты отрицательной полярности по Apresyan V. 2017

В [Apresyan V. 2017] приводится обширнейший материал (около 600 единиц по словарю А. И. Федорова и около 100 единиц по МАС), — материал,

касающийся отрицательно поляризованных предикатных лексем и фразем русского языка. В основном речь идет не о словах, а о значениях — лексемах: *не врубается, не дождешься*. Различается четыре класса ОП единиц. На семантическом уровне классы различаются по относительному весу ассертивного компонента и модальной рамки в толковании (модальная рамка — это часть значения, в которой выражается оценка ситуации говорящим и предполагаемое говорящим отношение к этой ситуации со стороны адресата). Я представлю эту классификацию в упрощенном варианте — с точки зрения обязательности отрицания. Класс 1 упрощенной классификации — это класс 1, класс 3 упрощенной — это класс 4, и класс 2 упрощенной — это классы 2 и 3.

Про единицы с отрицательной поляризацией известно, что они обычно допустимы не только в отрицательном контексте, но и в ряде других неверидикативных контекстов, таких как условие или вопрос.

Класс 1 — это единицы с **сильной** отрицательной поляризацией: они не употребляются без отрицания. Примеры лексем класса 1: *не преминул, не взвидел, не нахвалится, не оберешься*. Пример фраземы класса 1 — *не в бровь, а в глаз*. Это самый обширный класс. Он составляет половину всего собрания.

В классе 2 возможно употребление ОП-единицы без эксплицитного отрицания — в контексте снятой утвердительности. Ср.

- (1) пальцем не пошевелить — Он прежде чем пальцем пошевелит, будет два часа рассуждать; Если он хоть пальцем пошевелит, я буду удивлена;
- (2) не изменится ни на йоту — Вряд ли что-то изменится хоть на йоту;
- (3) Нам не впервой ночевать на снегу — Впервой ли нам ночевать на снегу?
- (4) Слова не выжмешь — Выжмешь ли хоть слово?

Это единицы второго класса по [Apresyan V. 2017]. Сюда же можно отнести единицы третьего класса по [Apresyan V. 2017] с примерами *Он лыка не вяжет, Я не въезжаю*. Для них тоже возможно употребление без эксплицитного отрицания:

- (5) Еле лыко вяжет;
- (6) Я с трудом въезжаю.

Правда, не факт, что это контексты снятой утвердительности, т.е. неверидикативные.

Наконец класс 3 упрощенной классификации — это единицы, допустимые не только в контексте снятой утвердительности, но и в утвердительном (веридикативном) контексте. Типичный пример –

- (7) Они не афишировали свой роман.

Вполне можно сказать *Они сознательно афишировали свой роман*, т. е. употребить *афишировать* в веридикативном контексте. Но соотношение отрицательных и утвердительных контекстов у *афишировать* по НКРЯ 265: 32.

Сюда же относятся:

- (8) Не бери в голову — Но в Москве Егорушка говорил о какой-то Лене, ну я и взяла в голову (Г. Щербакова)
- (9) Это ей не по зубам — Вполне по зубам.

Про единицы типа *афишировать*, *взять в голову*, *по зубам* можно сказать что, согласно определению, они не являются отрицательно поляризованными; т. е., возможно, являются, но в каком-то другом смысле: по статистике употреблений в отрицательном и в неотрицательном веридикативном контексте.

Так что в статье [Apresyan V. 2017] отрицательная поляризация — это скалярный параметр, каковым она до сих пор не являлась.

4. Исчезновение семантических актантов у некоторых глаголов в прямой — не параметрической — диатезе

Известно, что у глагола СВ *выбрать* есть прямая и косвенная диатеза.

В прямой диатезе, в СВ, есть участник Результат; а в таком же предложении с НСВ в актуально-длительном значении участника Результат нет:

- (10) Он выбрал *лошадь* посмирнее [СВ; *лошадь* — конкретно-референтное имя; прямой объект обозначает участника Результат]; [прямая диатеза]
- (11) Он выбирает *лошадь* посмирнее [НСВ акт.; *лошадь* не конкретно-референтное имя, обозначает множество выбора; нет Результата выбора]. [косвенная диатеза]

Похожие явления возникают в контексте снятой утвердительности. Так, в (12), где контекст снятой утвердительности создается повелительным наклоном и отрицанием, ситуация не включает участника Результат (поскольку действие относится к будущему в (12а) или не было осуществлено — во всяком случае, не дошло до конца — в (12б)):

- (12) а. Выбери *лошадь* посмирнее;
- б. Он не выбрал себе *лошади* [прямая диатеза; снятая утвердительность; нет индивидуализированной лошади].

Иными словами, прямой объект глагола СВ *выбрать* обозначает Результат выбора только при утвердительной модальности предложения. В контексте снятой утвердительности прямое дополнение обозначает Множество выбора, как и при НСВ актуально-длительном.

Так что контекст снятой утвердительности оказался нужным при рассмотрении актантной структуры глагола.

5. Зеркальная симметрия прошедшего и будущего

Контекст снятой утвердительности неожиданно проявил себя в аспектологии. Дело в том, что результативное значение, которое усматривается у так наз. общефактического значения несов. вида (*Кто строил* [\approx 'построил'] *эту дорогу?*), обусловлено ретроспекцией, т. е. порождено прош. временем. В будущем времени, когда нет ретроспекции, значения результативности у формы несов. вида не возникает. Прощ. время индикатива порождает у НСВ ретроспективный взгляд на ситуацию и ориентацию на конец, а буд. время дает ориентацию на начало. Это значение не синхронное, но не ретроспективное, как общефактическое, а **проспективное**, см. [Paducheva 2010].

Понятие снятой утвердительности позволяет вскрыть общность в значении повелительного наклонения и буд. времени. В семантике несов. вида императива был в свое время отмечен компонент «внимание на начальной фазе» [см. Paducheva 1996: 68] — непонятого происхождения. Теперь он получил объяснение, когда обнаружился тот же эффект в буд. времени:

(13) а. Звони сейчас = 'сейчас начинай звонить' [императив];

б. Сейчас буду звонить матери = 'сейчас начну звонить' [будущее время].

В прош. времени активизируется конечная фаза (*Ты звонил матери?*), что порождает импликацию достигнутого результата; а в будущем активизируется начальная фаза. Поэтому ни в буд. времени, ни в императиве у несов. вида не возникает никаких приращений, свойственных ретроспекции, — ни результативности ни даже прекращения состояния.

Не возникает результативных приращений у несов. вида и в других контекстах снятой утвердительности (а именно — в буд. времени и в ситуации, отнесенной к будущему):

(14) *хочу строить* [\approx 'хочу начать строить'].

В этой связи объяснился запрет на употребление форм НСВ буд. с глаголами движения:

(15) а. Завтра я буду *строить* гараж, *писать* тезисы на конференцию,

б. *Завтра я буду *ехать* в Крым, *идти* к зубному врачу.

Дело в том, что у глаголов типа *строить* форма НСВ буд. может иметь в том числе и начинательное значение, см. (15а), а у глаголов направленного движения это значение выражается идиоматично — в словообразовании (ср. начинательное значение в *поеду*, *пойду* и его отсутствие в *построю*, *напишу*). Формы НСВ буд. времени *буду ехать*, *буду идти* исключаются по принципу системного вытеснения — как **коровина* из-за *говядина*, при потенциально возможном *ежatina*, *барсучина*; ср. *баранина*. Синхронное значение возможно:

(16) Завтра в это время я буду *ехать* в Крым;

Дай мне ведро, и я буду *идти* за водой.

Итак, формы буд. и прош. несов. вида зеркально симметричны относительно наст. времени, а не то, что будущее подобно прошедшему.

Эта зеркальная симметричность прош. и буд. проявляется в сочетании с частицей *еще*. В прош. времени *еще* сочетается с СВ только у четырех глаголов (*успеть, остаться, сохраниться, застать*, [Paducheva 2004: 510]), поскольку требует состояния, которое ориентировано на конец, а перфектное состояние у остальных глаголов ориентировано на начало. (В контексте «его еще приняли, а всех остальных прогнали» другое *еще*.)

В буд. времени сочетание с *еще* возможно для всех глаголов СВ:

- (17) *еще пришел — еще приду; *еще пожалели — еще пожалеете; *еще поняли — еще поймете.

6. Глобальное отрицание, или отрицание с широкой сферой действия

В [Boguslavskiy 1985] было введено понятие «отрицание с широкой сферой действия» — на примере модификаторов субъектно-предикатного комплекса. Было установлено, что в структуре вида $Q(P(x))$, где $P(x)$ — предикация, которая представляет собой **субъектно-предикатный комплекс**, а Q — его модификатор, предикатное отрицание в составе $P(x)$, может иметь **широкую** (лучше сказать — **расширенную**) **сферу действия** (включающую Q), если выполняется одно из двух условий:

- 1) $P(x)$ без Q коммуникативно не значимо;
- 2) ожидалось, что P произойдет именно в контексте Q .

Так, у предложения (19а), где *Гаврилов прилетит во Львов* — субъектно-предикатный комплекс, а *для участия в конкурсе* — модификатор, есть два разных отрицания, которые оба можно назвать общими: присловное общее отрицание, см. (19б), и предикатное отрицание с расширенной сферой действия, которая включает модификатор, (19в) (термины предикатное и присловное отрицание приблизительно соответствуют англ. sentential negation и constituent negation).

- (19) а. Гаврилов прилетит во Львов для участия в конкурсе;
 б. (Гаврилов прилетит во Львов) **не** для участия в конкурсе;
 в. Гаврилов **не** (прилетит во Львов для участия в конкурсе).

В [Paducheva 2005] было замечено, что, помимо указанных, благоприятным условием для расширенной (иначе — **глобальной**) интерпретации предикатного отрицания является снятая утвердительность. Так, (20б) не является общим отрицанием (20а) и вообще непонятно, что значит. А в (20в) отрицание находится в контексте снятой утвердительности, где оно без труда получает глобальную интерпретацию.

(20) а. Он резко затормозил;

б. ?Он резко не затормозил;

в. Если бы он резко не затормозил, произошла бы авария.

В примерах (21a, b) подчеркнут сентенциальный оператор, который создает для предикации с предикатным отрицанием контекст снятой утвердительности и обеспечивает глобальную интерпретацию этого отрицания. В примере (21b) оператором снятой утвердительности является сослагательное наклонение в определительном предложении, обусловленное несуществованием объекта, обозначенного именной группой.

(21) а. На севере пока тщательно не оденешься, из дому не выйдешь;

б. <...> не было такого <человека>, который бы вскоре не сделался негодяем.

Сочетания (21a') и (21b'), будучи вынуты из контекста снятой утвердительности, без особой просодии бессмысленны:

(21a') <он> тщательно не оделся;

(21b') <он> вскоре не сделался негодяем.

Снятая утвердительность отменяет отдельную асертивность пропозиции P, и структура вида НЕ (P & Q (P)) превращается в структуру вида НЕ Q (P), где Q (P) — единая пропозиция. Q становится как бы дополнительным актантом в пропозиции P.

7. Местоимение на *-нибудь* в сфере действия отрицания

Для того, чтобы построить для предложения с местоимением на *-нибудь* общеотрицательное, надо не только поставить отрицание при глаголе, но и местоимение на *-нибудь* заменить отрицательным местоимением — на *ни*:

(22) 'НЕВЕРНО, ЧТО (я встретил там *кого-нибудь* из знакомых)' ==>

а. *Я не встретил там *кого-нибудь* из знакомых ==>

б. Я не встретил там *никого* из знакомых.

Т.е. *-нибудь* недопустимо в контексте предикатного отрицания, в сферу действия которого оно входит ([Paducheva 1974: 149], [Pereltsvaig 2000]).

Если местоимение на *-нибудь* таки употреблено в контексте прямого отрицания, оно интерпретируется как не входящее в сферу действия этого отрицания — оно лицензируется каким-то другим оператором снятой утвердительности (в (2) это *если*):

(23) Если *кто-нибудь* не являлся на работу, она воспринимала это как личное оскорбление. (\$ > НЕ)

На этом фоне представляют интерес примеры типа (24)–(27). В них местоимение на *-нибудь* находится в сфере действия отрицания (т. е. отрицание не является частным), но не подвергается обязательной замене на отрицательное:

- (24) Откусила, подставив снизу ладошку лодочкой, чтобы *чего-нибудь* не уронить. [Ф. Кнорре. Родная кровь (1962)] (НЕ > *нибудь*)
- (25) Почти не найти семьи, в которой *кто-нибудь* не пострадал бы [Б. Б. Вахтин. Этот спорный русский опыт (1978)]
- (26) Мы спускались осторожно, чтобы *где-нибудь* не сорваться. [Фазиль Искандер. Святое озеро (1969)]
- (27) Но по дороге смотрите в оба, чтобы он *куда-нибудь* не свернул! [Н. Леонов, А. Макеев. Ментовская крыша (2004)]

В примерах (24)–(27) замена *-нибудь* на *ни-* не обязательна, но, в принципе, возможна:

- (24') Откусила, подставив снизу ладошку лодочкой, чтобы *ничего* не уронить.
- (25') Почти не найти семьи, в которой бы *никто* не пострадал.
- (26') Мы спускались осторожно, чтобы *нигде* не сорваться.
- (27') Но по дороге смотрите в оба, чтобы он *никуда* не свернул!

Такая замена возможна не всегда, но я опускаю сейчас эту подробность.

Эти примеры составляют загадку, поскольку нарушают рассмотренное выше правило о том, что *-нибудь* в сфере действия прямого предикатного отрицания недопустимо.

Очевидно, предложения (24)–(27) демонстрируют специальную конструкцию с нестандартным предикатным отрицанием: отрицание при глаголе совместимо с *-нибудь* в сфере действия этого отрицания и не требует замены местоимения на *-нибудь* отрицательным, Задача состоит в том, чтобы охарактеризовать эту конструкцию в положительных терминах.

А дело в том, что нестандартное отрицание, представленное примерами (10)–(13), есть не что иное как отрицание в контексте снятой утвердительности; оно понимается как глобальное, т. е. включает в свою сферу действия *-нибудь*.

Оператором снятой утвердительности является в примерах (24), (26), (27) *чтобы*, а в примере (25) сослагательное наклонение.

Итак, местоимение на *-нибудь* входит в сферу действия отрицания, поскольку отрицание непосредственно подчинено оператору снятой утвердительности. Этот оператор снятой утвердительности и лицензирует *-нибудь*.

8. Взаимозаменяемость *еще* и *уже*

В статье [Boguslavskiy 2002] рассматривается отрывок из поэмы Пушкина «Медный всадник» со странным *уже*:

Еще он думал, что едва ли
С Невы мостов *уже* не сняли <...>

Сначала кажется, что в этом предложении надо *уже* заменить на *еще*: в самом деле, в нем выражается тщетность надежды на то, что мостов еще не сняли.

Однако возможна иная стратегия интерпретации этого фрагмента: *уже* не можно тут понять как *не уже* — точнее, как *неверно, что уже*, так что отрицание будет не частицей, а отдельной предикацией. Как говорит И. М. Богуславский, при определенном условии сентенциальное отрицание *не* может включать *уже* в свою сферу действия — а именно, при условии, что это отрицание входит в контекст квантора, показателя неуверенного мнения (*едва ли, вряд ли, разве, трудно поверить (предположить), сомнительно*); показателя ирреальности, условия и некоторых других. Например:

(28) Трудно себе представить, чтобы к десяти часам вечера они *уже не* выпили все шампанское = ‘трудно себе представить, чтобы было неверно, что к десяти часам вечера они уже выпили все шампанское’.

Круг контекстов, перечисленных И. М. Богуславским, допускает естественное обобщение: все это контексты снятой утвердительности. Правда, в случае *уже* набор этих контекстов заметно уже, чем в случае *-нибудь*, но не в этом суть. Суть в том, что отрицание, попадая в контекст оператора снятой утвердительности (*едва ли*), превращается из частицы, которая, в принципе, имеет ограниченную сферу действия, в сентенциальный оператор со сферой действия более широкой, чем у частицы *уже*. Именно это решение и предлагается в [Boguslavskiy 2002] для *уже* и *не* в контексте снятой утвердительности. Частица *не* ведет себя как оборот *неверно, что*, который составляет отдельную предикацию и занимает семантико-синтаксическую позицию более высокую, чем *уже*. Частица как бы «приклеивается» к оператору снятой утвердительности, сентенциальному, в результате чего сама становится сентенциальным оператором и включает в свою сферу действия *уже*.

Наверняка со временем выяснятся и другие языковые явления, где обращение к снятой утвердительности — она же неверидикативность — будет полезным.

Литература

1. Apresyan Yu. D., (1974). Lexical semantics. [Leksicheskaya semantica] Nauka. Moscow.
2. Apresyan Yu. D. (1999). Theoretical semantics at the end of XX century. [Teoreticheskaya semantika v konce XX stoletiya]. Proceedings of the Academy of sciences, Series literature and language, Vol. 58(4), pp. 39–53.
3. Apresyan V. Yu. (2017) Negative and positive polarity: semantic sources [Otricatel'naya i polozhitel'naya polyarizaciya: semanticheskiye istochniki] Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference “Dialog 2017” [Komp'yuternaya Lingvistika i Intellektual'nye Tekhnologii: Trudy Mezhdunarodnoy Konferentsii “Dialog 2017”], Vol. 2, pp. 2–15.

4. *Boguslavskij I. M.* (1985) Explorations in syntactic semantics [Issledovanija po sintaksicheskoj semantike] Nauka, Moscow.
5. *Boguslavskij I. M.* (2002). "Sandhi" in syntax ["Sandhi" v sintaksise]. Problems of linguistics [Voprosy jazykoznanija] Vol. 5, pp. 19–37.
6. *Boguslavskij I. M.* (2008). Between truth and lie: adverbials in the context of suspended assertion [Mezhdu istinoj i lozhju: adverbialy v kontekste snjatoj utverditel'nosti. Logical analysis of language. Between lies and fantasy [Mezhdu lozhju i fantaziey, pp. 67–77. Yazyki russkoy kultury. Moscow.
7. *Dobrovol'skij D. O.* (2011). Comparative phraseology: interlinguistic equivalence and problems of translation of idioms. [Sopostavitel'naja phraseologija: mezhjazykovaja ěkvivalentnost' i problemy perevoda idiom] Russian language from a scientific point of view [Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii] Vol. 2(22), pp. 219–246.
8. *Giannakidou, A.* (1998). Polarity sensitivity as (non)veridical dependency. Amsterdam, Philadelphia.
9. *Giannakidou, A.* (1999). Affective dependencies. Linguistics and Philosophy, 22(4), 367–421.
10. *Paducheva E. V.* (1974) On semantics of syntax [O semantike sintaksisa] Nauka, Moscow.
11. *Paducheva E. V.* (1985) Utterance and its relation to reality [Vyskazyvanie i ego sootnecennost' s deystvitel'nostyu]. Nauka. Moscow. 6-th edition, 2010, Publishing house LKI, Moscow. <http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/paducheva1985.pdf>
12. *Paducheva E. V.* (1996) Semantic investigations [Semanticheskie issledovaniya] Yazyki russkoy kul'tury, Moscow. <http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/PaduSemantIssl1996.pdf>
13. *Paducheva E. V.* (2004) Dynamic models in the semantics of lexicon [Dinamicheskie modeli v semantike lekciki] Yazyki slavyanskoy kul'tury. Moscow. <http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/PaduDinamMod2004.pdf>
14. *Paducheva E. V.* (2005). Effects of suspended assertion [Ėffekty snyatoy utverditel'nosti: global'noe otricanie] Russian language from a scientific point of view [Russkiy jazyk v nauchnom osveshchenii] Vol/ 2(10), pp. 17–42. <http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf2/ryns2005.pdf>
15. *Paducheva E. V.* (2010). Mirror symmetry of past and future: the figure of observer. Izvestija RAN [Zerkal'naja simmetrija proshedshego i budushchego: figura nabljudatelja], Literature and languages series, v.69, №3, pp. 16–20. <http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf2/symmetr-2010.pdf>
16. *Paducheva E. V.* (2011). Implicit negation and negative polarity pronouns. [Implicitnoe otricanie i mestoimenija s otricatel'noj polarizaciey] Problems of linguistics [Voprosy jazykoznanija Vol.1, pp. 3–18. http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/vnutrilex_neg-VJa.pdf
17. *Paducheva E. V.* (2013). Russian negative sentence [Russkoe otricatel'noe predlozhenie] Yazyki slavyanskoy kul'tury. Moscow.
18. *Pereltsvaig, A.* (2000). Monotonicity-based vs. veridicality-based approaches to negative polarity: evidence from Russian. In T. H. King & I. A. Sekerina (Eds.), Formal Approaches to Slavic Linguistics (FASL-8).The Philadelphia Meeting 1999 (Michigan Slavic Materials, Vol. 45, pp. 328–346). Ann Arbor.

19. *Weinreich U.* (1970). On the Semantic Structure of Language [O semanticheskoy structure jazyka] *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*, vol. V. Language universals [Jazykovye universalii] Progress, Moscow, pp. 163–249.
20. *Weinreich U.* (1963) On the Semantic Structure of Language. In: J. Greenberg, ed., *Universals of Language*, Cambridge, MA: MIT Press, pp. 114–171.
21. *Wierzbicka, A.* (1980). *Lingua mentalis. The semantics of natural language.* Sydney.
22. *Zwarts, F.* (1995). Nonveridical contexts. *Linguistic Analysis*, Vol. 25(3–4), pp. 286–312.